

Су Хуэйи подал заявку:

— Пусть лучше инструктор покажет мне, что к чему.

...Под присмотром воодушевленного сотрудника тира он наконец начал понимать, что делает.

Бах, бах, бах... после нескольких выстрелов Сунь Юэ, стоявшая рядом, покосилась на соседа. У парня плечи были расправлены, лопатки при каждом движении легкого, уверенного подъема винтовки слегка подрагивали, а талия выглядела стройной и крепкой.

Бах! Еще один выстрел. Су Хуэйи опустил оружие. Его лицо, только что сосредоточенное и волевое, разом смягчилось. Кадык едва заметно дернулся, а в уголках губ заиграла тонкая, живая улыбка — смотреть на него было одно удовольствие.

Сунь Юэ проследила за его взглядом, устремленным на мишень: всего шесть выстрелов, пять — мимо.

И еще один угодил в мишень Чжоу Цинчэна, стоявшего по соседству.

— ... — наблюдавшие за этим Чжоу Цинчэн и Сунь Хэюй просто лишились дара речи.

— Сдаюсь, — прокомментировал кто-то. — Ты мажешь так, будто только что выбил десять из десяти — с таким холодным и отрешенным видом!

Су Хуэйи, не теряя своего образа «великого мастера», невозмутимо опустил руки:

— В стрельбе важны мастерство и хладнокровие. Первого у меня нет, так что приходится компенсировать вторым.

Сунь Хэюй дернул углом рта:

— Компенсация получилась слишком уж щедрой.

Су Хуэйи отозвался:

— Нужно же чем-то брать.

Остальные:

— ...

Из тира они выбрались, когда время уже близилось к ужину, и решили забронировать отдельный кабинет в соседнем кантонском ресторане.

Су Хуэйи сидел рядом с Чжоу Цинчэном, напротив устроились брат и сестра из семьи Сунь. Пока они болтали, Сунь Хэюй внезапно охнул и указал на плечо Су Хуэйи:

— Эй, а почему у тебя здесь всё в красных пятнах?

Чжоу Цинчэн, услышав это, вытянул шею, чтобы рассмотреть получше, и тоже выдал:

— Ого, и правда. Сплошные следы, глубокие и светлые. Это из-за отдачи? Неужели настолько сильно? Почему у меня ничего нет?

Су Хуэйи не видел своего плеча, поэтому просто потер его на ощупь:

— Пустяки, у меня кожа такая, следы легко остаются. — Он закатал рукав, обнажая локоть. — Смотрите, пару дней назад слегка задел, и вот результат.

Все присутствующие изумились: насколько же «слегка» нужно было задеть, чтобы так разодрать руку!

Сунь Юэ, еще совсем юная девушка, не могла смотреть на такие жуткие синяки:

— Как же ты так умудрился? Тебя что, обижают?

— Задел, когда что-то поднимал. — Он посчитал нужным восстановить репутацию семьи Су. — Дома меня все очень любят, никто меня никогда не обижает.

Сунь Юэ, решив, что характер у Су Хуэйи вполне приятный, осмелела и спросила:

— А почему ты раньше почти не приходил на наши встречи?

Су Хуэйи застенчиво отпил чаю:

— Я был не уверен в себе.

Все трое:

— ...

Когда трапеза подходила к концу, позвонил Су Цзитун. Он поинтересовался, где и с кем обедает сын, а узнав, что Су Чи проезжает мимо, велел Су Хуэйи возвращаться вместе с ним.

Су Хуэйи закончил разговор, скинул Су Чи адрес, и уже через десять минут тот был на месте.

— Я пойду, — сказал он друзьям.

Чжоу Цинчэн спросил:

— Что такое, у тебя дела?

— Старший брат приехал за мной.

Остальные трое замерли от удивления:

— Су Чи приехал за тобой лично?!

В их кругу иерархические нормы были гораздо строже, чем в обычной жизни: кто наливает вино, кто садится за руль, кто оплачивает счет — всё это подчеркивало статус. А уж что говорить о Су Чи, который всегда держался гордо, словно сосна на вершине заснеженной горы, на которую все смотрели снизу вверх!

Су Хуэйи тоже осознал масштаб происходящего. Раньше на встречи его возил семейный водитель, а раз сегодня Су Чи выехал по делам, значит, он сам сел за руль.

Чёрт, заставил Су Чи быть моим водителем.

Су Хуэйи, спускаясь по красной ковровой дорожке, размышлял: иногда события развиваются

самым неожиданным образом. Он-то собирался просто тихо выживать под крылом старшего брата, а в итоге — то заставляет того мазать свои синяки мазью, то возить себя на машине.

Слишком уж я расслабился.

Машина Су Чи стояла у обочины: солидный черный автомобиль с плавными очертаниями и идеальным блеском кузова.

Су Хуэйи открыл дверь и сел на пассажирское сиденье. Повернув голову, он увидел крепкие, узловатые руки Су Чи, лежащие на руле; при каждом движении на их тыльной стороне вздувались вены, уходящие под безупречные манжеты.

Одно только то, как спокойно он сидел, вызывало ощущение, что с этим человеком лучше не связываться. Су Хуэйи погрузился в раздумья: хватило же у прежнего владельца тела смелости провоцировать такого человека?

— Старший брат.

— М-м.

Он решил проявить любезность:

— Может, мне сесть за руль?

Су Чи нахмурился, обдумывая предложение:

— Это какой-то новый способ совершить убийство?

— ... — Су Хуэйи послушно вжался в кресло. Су Чи положил ладонь на рычаг переключения передач, выжал сцепление и плавно влился в транспортный поток.

За окном мелькали городские пейзажи. Смеркалось, в витринах магазинов зажигались редкие огни. Даже в выходной день пробки никуда не делись — у тех, кто действительно занят добычей средств к существованию, не бывает праздников.

Машина выехала на эстакаду и встала в затор. Су Хуэйи прильнул к окну, разглядывая дорогу; от его дыхания на стекле выступил конденсат.

Движение окончательно замерло.

Су Чи повернул голову и увидел, как Су Хуэйи указательным пальцем старательно выводит на запотевшем стекле сердечко — кривое и нескладное. Он нахмурился, собираясь сделать замечание, но рядом с сердцем появились еще два слова — «Старший брат».

Слова застряли у Су Чи в горле, а пальцы, лежавшие на руле, невольно сжались.

Су Хуэйи продолжал старательно закрашивать сердечко. С того места, где сидел Су Чи, была видна тонкая линия шеи, уходящая под воротник. Из-за движений Су Хуэйи широкий вырез чуть сдвинулся, открывая красную родинку на фарфоровой коже, окруженную пятнами глубоких синяков.

— Что с плечом?

Су Хуэйи продолжал рисовать:

— Мужские знаки доблести.

— ... — Су Чи не хотелось слушать эти небылицы. — Дома намажься сафлоровым маслом. И на руках, и на голове — везде, где есть синяки.

Мазь...! Су Хуэйи, решив попытать счастья, повернулся к нему:

— Старший брат, а ты мне поможешь?

Су Чи усмехнулся:

— А твои руки на что?

Су Хуэйи улыбнулся ему самой послушной улыбкой:

— Ну, ты помажешь голову, а то, что руки в мази испачкаются — это уже как бы между прочим.

Он был уверен: чтобы укрепить отношения, нужно больше тактильного контакта. Если тела станут ближе, разве сердца останутся далеко?

— Лихо ты придумываешь, как мне «между прочим» сделать. — Ехавшая сзади машина посигналила — поток снова пришел в движение. — Сиди смирно, — бросил Су Чи и продолжил путь.

Су Хуэйи понял, что тот согласился, и с готовностью принялся шарить в дверном кармане, откуда вытащил пакет с хлебом.

— Ты ведь еще не ужинал? Папа сказал, ты сразу поехал за мной, как закончил дела.

— Дома поем.

— Здесь такие ужасные пробки, — Су Хуэйи вытянул шею, глядя на вереницу огней впереди. Небо окончательно почернело, и в наступающих сумерках красные стоп-сигналы машин тянулись до самого горизонта. — Пока доедем, пройдет минимум час. Съешь хотя бы кусочек хлеба.

— Я за рулем... — фраза оборвалась на полуслове.

Су Чи опустил взгляд на кусок хлеба, поднесенный прямо к его губам, и стратегически отклонился назад:

— Что ты делаешь?

Су Хуэйи подался вперед:

— Кормлю тебя. У меня руки чистые.

— ...Не буду.

— Ты же проголодаешься.

Су Чи крепче вцепился в руль. Какая сюрреалистичная картина: в сумерках, посреди плотного потока машин, его коварный сводный брат протягивает ему кусок хлеба, требуя съесть.

Еще неделю назад Су Чи непременно решил бы, что в еду подмешан яд. Но сейчас внутри боролись смущение и подозрительность: их отношения не должны были стать такими близкими.

Это развитие событий казалось одновременно внезапным и естественным — он даже не мог понять, в какой момент всё изменилось.

— Убери, — отрезал Су Чи. — Даже если я буду умирать от голода...

— ...и отброшу коньки, выпрыгнув из этой машины, я всё равно не притронусь к твоему хлебу, — услужливо закончил за него Су Хуэйи.

Су Чи:

— ...

Су Хуэйи убрал руку и сам откусил кусок:

— А ведь вкусно.

Су Чи стиснул зубы:

— Запрещаю есть в моей машине!

Су Хуэйи послушно открыл окно и высунул голову наружу, чтобы дожевать.

Су Чи, помрачнев, схватил его за шиворот и втянул обратно:

— Кто тебе разрешил высовываться?

— Машина же стоит.

— Ха.

Новый кусок хлеба снова потянулся к его губам.

Челюсти Су Чи напряглись, а затем он всё же взял хлеб зубами.

Су Хуэйи никак не мог понять этого странного упрямства Су Чи, поэтому слегка нахмурился и протянул еще один кусок:

— Старший брат, это всего лишь хлеб, не надо делать вид, будто идешь на эшафот.

Су Чи:

— ...

<http://bllate.org/book/18282/1752275>